Скопин

Архангельской губернии.

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова у князя Владымира,
Родилось у его да чадо милоё.
С той же со радости великоей,
Завёлса ю князя-то почесен пир,
Пра многих князей да многих бояров,
Пра ти́х же мещан’ся городовыих,
Да все на пиру пьяны-веселы,
Да все на пиру потешаютце,
Ростешилса солнышко Владымир-князь,
Он пагуливал по гриденки па светлоей,
По той же по середы кирпичатой,
А резвыма ногами ён поступывал,
Белыма руками прирозмахивал,
Из рецей-то Владымир выговаривал:
«Ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
Нам каго же поставити в кумушки?»
Говорит-то княгина мать Апраксия:
«Надь бы съездить во Галичу во Малую,
Во ту же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молацца,
А Скопина ли Михаила сына Ивановича,
Его же поставити во кумушки».
«Кого же послати в Малу Галичу?» —
«Послать нам Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць он крестовой брат,
А послушат Скопин своего крестовушка».
Говорит-то наш солнышко Владымир-князь:
«Ож ты ой есь, Добрынюшка Микитиць блад!
Ты съезди во Галичу во Малую,
Во ту же Карелу прибогатую,
Позови-ко юдала добра молоцца
Ко князю его да всё во кумушки».

На то-де доброй молодец не ётслышалсэ,
Да стал-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того он сподоблеитце,
Уздает-седлает коня доброго.
Ён скоре́ садитца на добра коня,
Он поехал во Галичу во Малую,
Во ту же Карелу прибогатую,
Ко тим же ко теремам высокием,
Ко тим же окошечкям косявчатым,
’ тому же крылечушку прекрасному.
Да скоро-де слазит доброй молодец,
Да скоро-де слазит со добра коня,
Да вяжот своего коня доброго,
’ тому же столбу да ко дубовому,
За то же колечушко серебрено.
Заходит Добрыня на красно крыльцо,
Проходит Добрыня во новы сени,
Из новых сеней — во гриню во светлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу:
Он и крест-от кладёт да по-писаному,
Он поклон-от ведёт да по-учёному,
Ён кланятца на все четыре стороны.
Сидит-то ведь тут, право, служаноцька:
«Не ты ле Скопину родна матушка?» —
«Я сижу-то его верна служаноцька». —
«Да где же Скопинова родна матушка?» —
«Проходи там вперёд да во светлу гриню».
Проходит Добрынюшка Микитиц блад,
А молитца Добрыня Господу Богу:
Ён крест-от кладёт по-писаному,
Поклон-от ведёт по-ученому,
Ён кланетце на вси четыри стороны.
Сидит-то ведь тут, право, служаноцька:
«Не ты ле Скопина родна матушка?» —
«Проходи там вперёд да во светлу гриню».
Проходит Добрынюшка Микитиц блад,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на все четыре стороны:
«Да здраствуй, мой названушко крестовой брат!» —

«Да здраствуй, Добрынюшка крестовой брат!»
Да скоро скочил да на резвы ноги,
Берёт-то его да за белы руки,
Да хочет он делать пир великия
Да ради своего он крестовушка.
«От ты ой есь, названой мой крестовушко
Скопин ле Михайло сын Иванович!
Нельзя мне сидети на чесном пиру, —
Я послан тебе да на уско́рую
Ёт ласкова князя от Владымира —
Зовут-то тебя ёни во кумушки!»
Приходит юдалой доброй молодец,
Скопин ле Михайло сын Иванович,
Ка сваей ко матушке родимоей.
Ён кланяетца ей да во резвы ноги:
«Ой, моя маменька родимая,
Чесная вдова благочестивая!
Спусти мя во стольнёй славной Киев-град,
А мне дай благословенье великое!» —
«Не дам благословленье великое —
Идти тибе, ехать в стольнёй Киев-град:
А ты же во хмелю да не сурядливой,
Там злыя бояришка подмолвщики,
Касабрюхие воры, подговорщики!»
Однако же кланятца в резвы ноги:
«Ты ой, моя матушка родимая,
Чесная вдова благочестивая!
Ож не дашь благословленья великого —
Поеду же, поеду в стольнёй Киев-град!»
Ёднако же дала благословленьицо
С буйной-де главы и до сырой земли.
Да стали молодцы да нынь срежатисе,
Скорей же того да сподобляютце,
Уздаёт-седлаёт коня доброго,
Он и скоре садицца на добра коня,
Да едут во стольнёй славной Киев-град,
Ко ласкову князю на почесен пир.
Окрестили, молитвили бладенеця,
Ставал-то Скопин да ён во кумушки,

Со той же Скурлатой со Малютиной.
Выходили ёни да из божьей церквы
Ко ласкову князю на почесен пир.
Да все на пиру напивалисе,
Да все на чесном да похваляютце,
Из ума-де Скопин да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопин да похваляитце:
«Да много Скопин да по землям бывал,
Да много Скопин да городов бирал,
Не боялса Скопин да сорока полков,
Сорока-де полков, да сорок тысецных!
Я Малюту-царя да во полон бирал,
Я Малютину дочь держал парукою,
Парукою держал я, полюбовницой,
На остатках дал князю во служеньицо!»
И та же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубок погреб,
Выносила ле цару зелья лютого:
По краям-то ле цары как ключи кипят,
На середка-де цары да огонь горит.
Он и пьет, Скопин, цару за единой дух —
Скатилося с плеч голова, как пуговица,
Сидит-то Скопин да не по-прежному.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли бы его к матушке родимоей.
Да встречала его матушка, горько плакала,
Похоронила она сына своего любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вон на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
Да скоре садицца на добра коня,
Да едёт во стольнёй славной Киев-град
Ко тим же полатам княженевскиим,
Крычит под окошечком косявчатым:
«Подайте-тка мне да виноватого!»
Отвечают там-де слуги верныя:
«Виноватого в доме не лучилосе —

Отлучилса виноватой во чисто полё».
Аж тут Маривьяна поворот даёт,
А едёт она да во чисто полё,
Выехала на горы на высокия,
Да зрит-то, смотрит да во вси стороны,
Завидела — во поле шатёр стоит,
Стоит-то шатер да чернобархатной.
Она едет ко шатру как чернобархатну,
А берёт-то ле стрелочкю каленую,
Откинёт у шатра да полу правую —
Да спит тут Скурлата дочь Малютична.
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право, пора ставать!»
Ото сну-то Скурлата просыпаитца,
Выходит ёна да вон на улицу.
Берёт Маревьяна нынь востро копьё,
Втыкаёт тупым концем в сыру землю,
Берёт-то Скурлату дочь Малютичну,
Посадила ей ж‹опо›й на востро копье —
Да тут-то Скурлаты смерть случилосе.
А оттуль Маривьяна поворот даёт.

(Записана Н. Е. Ончуковым в 1902 г. в селе Великая Виска, Пустозерской волости, от кр. А. И. Дитятева. Напечатана в сборн. «Печорские былины» 1904 г., стр. 321-325)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.